

между Нилом и Иосифом. Конечно, между религиозно-философскими и практически-церковными воззрениями обоих крупнейших церковных деятелей XV века имелись существенные расхождения (идея духовного самосовершенствования у Нила и внешней обрядности у Иосифа, скитство и монашеское «общежитие»); расхождения эти впоследствии стали зерном, из которого выросли враждебные программы нестяжателей и иосифлян. Но в конце XV века в сочинениях обоих авторов яснее выступали черты сродства, нежели черты различия. Нил Сорский не только никогда не был связан с еретиками, но никогда и не выступал против расправы с ними; наоборот, именно у него искал помощи против еретиков один из активнейших «обличителей» ереси, новгородский архиепископ Геннадий.¹ В сочинениях Нила Сорского нет ни выражения враждебности Иосифу Волоцкому, ни полемики с ним. Вопреки традиционному историографическому представлению, Нил Сорский при жизни Иосифа и его ближайших преемников был среди иосифлян одним из популярнейших и наиболее часто переписываемых русских авторов.² До нас дошли рукописи сочинений Нила, переписанные племянником и ближайшим сподвижником Иосифа Волоцкого, Досифеем Топорковым,³ уже известным нам Нилом Полевым⁴ Дионисием Звенигородским,⁵ волоколамским игуменом Ефимием Турковым (вместе с сочинениями Иосифа),⁶ а также рядом других монахов Волоколамского монастыря конца XV—первой половины XVI века.⁷ Интерес этих иосифлянских монахов к творчеству Нила Сорского не случаен: двое из них, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, как сообщает житие Иосифа, получили даже благословение своего «отца» (Иосифа) на то, чтобы поселиться у «отца Нила», «иже сияше тогда, яко светило в пустыни на Беле озере».⁸ Как Нил Полев, так и другие сподвижники Иосифа, переписывая сочинения Нила Сорского, преподносили их в Волоколамский монастырь, ясно показывая этим, что в их глазах это были не писания врага, а «богодухновенная писания», достойные стать вкладом, обеспечивающим переписчику заупокойное поминовение.⁹ С другой стороны, до нас дошел сборник, составленный учеником Нила Гурием Туши-

¹ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 128—129.

² На это обстоятельство отчасти обратила уже внимание М. С. Боровкова-Майкова: К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 7 (ср.: Предание и Устав, стр. XV—XVI).

³ ГИМ, Епарх. 342/485, л. 5 — автограф «грубого Досифея».

⁴ ГИМ, Епарх. 349/509, л. 195 об. — «Списание инока Нила пустытника заволжского»; это не может быть Нил Сорский, так как на л. 84 списатель рукописи говорит о Ниле Сорском как о третьем лице и покойнике. Почерк рукописи идентичен почерку аннотированных рукописей Нила Полева.

⁵ ГИМ, Епарх. 351/518.

⁶ ГПБ, Q XVII 50

⁷ ГИМ, Епарх. 356/475, 343/493, 350/510, 344/494.

⁸ Житие Иосифа, составленное неизвестным, изд. К. Невоструева (оттиск из «Чтений Общества любителей духовного просвещения», 1865, ч. 1), стр. 126—127; Чтения ОИДР, 1903, кн. III, стр. 20.

⁹ Очень характерна в этом отношении приписка Нила Полева к сборнику сочинений Нила Сорского, переписанному им уже после смерти автора (т. е., очевидно, уже после столкновения Полева и Дионисия Звенигородского с «заволжскими старцами» в 1508—1511 годах): «Конец богодухновенным словесем достиже от старца Нила иже суть на Белеозере в Сорьской пустыни мужскы подвижася на диавола (в наша лета последнего рода), чувствене же и мыслене. От сих убо разумно есть богодухновенных его душеполезных списаний, яко делатель бысть добродетелем и сих возделев в винограде сердца своего, отиде к любящему его Христу, нам же, якоже некий залог, оставив богодухновенная писания своя душеполезная» (ГИМ, Епарх. 349/509, л. 84). Эта характеристика Нила Сорского впоследствии неоднократно переписывалась в различных позднейших списках (например БЛ, Троицк. 799, л. 148; ср.: Предание и Устав, Приложение, стр. XIV).